

СКАЗКА В.Г. КОРОЛЕНКО «НЕОБХОДИМОСТЬ» В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В.Б.Мусий

(доктор филологических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова)

У статті йдеться про антропологічний підхід як один із головних сучасних філологічних і філософських методологічних напрямів літературознавства.

This article outlines the anthropological approach as one of the basic modern philological and philosophic methodological trends in history of literature.

Активизация в последнее десятилетие внимания ученых, представляющих разные направления науки, к проблеме человека стала основой выделения философско-антропологического подхода в цельную, самостоятельную систему, которая, по словам Людмилы Алексеевны Черной, «позволяет вскрыть самые глубинные источники, питающие человеческую культуру изнутри» (1, 45). Направления литературоведческих поисков здесь могут быть самыми различными. Это может быть решение проблемы автора в художественном тексте, как показывает в статье об антропологической теории литературы М. Бахтина Н.М. Шляховая. При этом исследовательница исходит из того, что в основе философии гуманитарных наук этого ученого, лежит идея принципиальной уникальности каждого индивидуального сознания, активный интерес к проявлению собственно человеческого во всех формах творчества (2, 135). На проблеме художественного вымысла сосредоточивает внимание Вольфганг Изер, размышляя о путях развития литературной антропологии как исследовательской парадигмы. Исходя из того, что пересекающая границы способность к вымыслу является расширением человеческого, он в качестве задачи литературной антропологии называет объяснение того, «почему мы находим непреходящее удовольствие в сотворении себя» и «просто не в состоянии ... прекратить разыгрывать игру наших потенциалов». В центре внимания Михаила Марковского – связь между антропологией и интерпретацией текста, поскольку интерпретация представляет собой результат взаимодействия между человеком и миром. «Я» воздействует на воспринимаемый этим «я» текст с помощью собственных идей-интерпретаций, а текст, в свою очередь, воздействует на «я». При этом, замечает он, истинным для нас является не то, что есть в тексте, а то, что не вызывает диссонанса между состоянием нашего интеллектуального опыта и приводящим извне (3, 497). Для понимания произведения, которое стало объектом нашего изучения, наблюдение ученого относительно того, что нет идей или же суждений о мире, которые были бы истинными сами по себе, что проверка каждой идеи может быть осуществлена только на основе нашего собственного опыта, представляется особенно ценным.

Изучение сказки Владимира Галактионовича Короленко именно в свете антропологического подхода представляется закономерным и в связи с особенностью эпохи ее создания. Взаимодействие между антропологией, с одной стороны, и литературоведением и культурологией, с другой, – особенно перспективно в процессе изучения переходных моментов в истории. Анализ «механизмов «стыковки» эпох, воскрешения и трансляции старых смыслов, наслоения традиционных и новейших художественных практик невозможен, – пишет О.А. Кривцун, – если исследователь не чувствует, что за историей искусств всегда разворачивается более масштабная история самого человека» (4, 233).

Последнее десятилетие XIX века, а «Необходимость» была написана в 1898 году, – это одна из «фаз динамичного развития» культуры, когда, по словам Л.А. Черной, «вырисовывалось новое отношение между Абсолютом и человеком» (1, 41). Как и в эпоху романтизма, усилилось внимание к экзистенциальным проблемам. И антропологический

подход к изучению модели мира в текстах литературы этого времени особенно перспективен. В данной статье он применен с целью выявления в сказке «Необходимость» такой составляющей авторской модели мира, как соотношение свободы и необходимости.

Первая глава сказки выполняет роль пролога: она содержит описание ситуации встречи впавшего в уныние из-за утраты веры в себя сына раджи Кассапы с тремя «добрыми старцами». Чтобы помочь юноше найти ответ на вопрос, случайно ли с дерева слетает лист, а со скалы отрывается камень и падает на отдыхающую у ручья ящерицу, старец Улайя рассказывает ему, что случилось с Дарну и Пураной, попытавшимися однажды «приблизить к себе истину» и отправившимися для этого в странствие. Тем самым задается проблема: существует ли связь между всеми, даже на первый взгляд самыми незначительными явлениями, или же все происходящее случайно. Кассапа, исходя из наличия предопределения, приходит к мысли о бессмысленности для человека пытаться что-либо предпринять, изменить, проявить собственное «я». После этого следует описание странствий мудрецов, которые в конечном итоге оказались перед дилеммой: «подчинение – сопротивление предназначанному». И наконец, заключительные два абзаца последней шестой главы возвращают читателя к исходной ситуации встречи Кассапы с мудрыми старцами. Подобное кольцевое построение произведения позволяет акцентировать внимание на перемене, произошедшей с сыном раджи. Он пока не может сформулировать собственную истину о человеке и мере его свободы. Старцы не дали ему определенного ответа на мучивший юношу вопрос, выслушали рассказ Улайи, «не отрицая и не подтверждая». Но он уже освобождается от «бездействия уныния» и удаляется «в раздумии» (5, 450).

Сюжетное ядро сказки составляет описание того странствия, рассказ о котором помог Кассапе освободиться от отчаяния. Каждый из мудрецов, пройдя долгий путь поисков истины, оказался, как следует из второй главы, в храме Необходимости. Третья глава знакомит читателя с характером поведения в храме наедине с этим божеством Дарну, а четвертая – Пураны. На первый взгляд, все то, о чем сообщалось в третьей главе, повторяется в четвертой. Оба мудреца подчиняются Необходимости и постепенно превращаются в недвижимые фигуры, на которых птицы вьют свои гнезда. Но характеры мудрецов различны, поэтому по-разному они и воспринимают явившееся им божество. Дарну суров. Поэтому, когда Необходимость отрицает то, что его поступки были самостоятельными, Дарну заявляет, что она ему противна, сердится, отвергает все пятьдесят колен своей жизни, в которой он, как оказалось, был всего лишь «игралищем Необходимости» (5, 442). Пурана, напротив, «был благодушен и круглолиц», «в своей мудрости, – сообщает рассказчик истории, – он никогда не был строптив, как Дарну, и искал скорее блаженного покоя, чем свободы» (5, 444). Поэтому явившемуся ему божеству он говорит, что оно «приятно» и позволяет ему и дальше «исполнять свое дело» и за себя, и за него самого, он же «в приятном созерцании» собирается лишь наблюдать за Необходимостью. Эта асимметрия подчеркивает, что независимо от характера, поведения человека – его спора с Необходимостью или же примирения с ней – все происходящее предопределено. Дарну открывается, что даже в его попытке «скинуть ... ярмо» необходимости и почувствовать себя свободным проявляется все та же необходимость. Всегда, как заявляет ему божество, находились и будут находиться хотя бы один упрямец и один ленивец, которые лишь на первый взгляд выпадают из общего числа подчиненных необходимости. И в решении мудрецов найти истину, и в приходе Дарну и Пураны в храм, и в попытке освободиться или же подчиниться божеству, и даже во всех мелочах – изменить позу по отношению к божеству или же остаться в прежнем положении, напиться или отказаться от воды, насытиться или же сжать зубы с тем, чтобы плод со смоковницы случайно не попал в рот, – во всем проявление Необходимости. Поэтому и мудрецы оказываются в одном и том же положении – «без признаков жизни – один в блаженстве отрицания, другой в блаженстве подчинения Необходимости...» (5, 445)

Импульс к преобразованию ситуации дает вторжение в храм непосредственной жизни. Пастушка, которая сняла с сурового Дарну уже опустевшее птичье гнездо, очистила его тюбан, волосы и плечи от птичьего помета, обмыла его лицо ключевой водой, а потом и

поцеловала его, прервала путь «мудреца» к Нирване. Поцелуй «глупой женщины» разжег едва теплившуюся мысль Дарну. Его возвращение к жизни – содержание шестой, центральной в раскрытии воплощенной в произведении авторской модели, главе. Поэтому остановимся на ней подробнее.

Сначала наиболее частотными оказываются слова, объединяющиеся вокруг понятий «мыслить» («сознания», «мудрого», «мысль», «мудрый», «думал», «надумал») и «подчиняться» («подчинялись Необходимости», «подчинился», «исполнял закон необходимости», «отказываясь - ...исполняю»). При этом мысль, которая приходит в движение, отождествляется со «светом», поскольку противостоит неподвижности, «темноте», «сну»: «в нем, как в доме, где все спят, проснулась мысль и стала беспокойно метаться в темноте...» (5, 448) Как только Дарну приходит к выводу о том, что в происходящем с ним и Пураной, «есть, может быть, необходимость, но очень мало смысла», его мысль начинает «будить» остальные способности, и он обнаруживает, что ему необходимы «воля и усилие». И тут на первый план выводится оппозиция «воля – необходимость». Отыскав в себе «искорку воли», мудрец заставляет ее поднять свои отяжелевшие веки. В результате «дневной свет» врывается в его сознание. Так оказываются связанными начало шестой главы (мечущаяся в темноте сознания мысль) и ее кульминация, перелом в сознании Дарну, его озарение светом. Свет семантически связан с жизнью и движением. Поэтому в кульминационной части главы ведущую роль играют глаголы движения: «ворвался», «врывается», «шевелинулась», «забегала», «кинулась», «стали двигаться». Все они применены к ожившему Дарну, описание которого контрастно описанию Пураны, по-прежнему пребывающего в состоянии неподвижности, а поэтому близкого к смерти. Но благодаря усилиям Дарну, и для него оказывается возможным оживление. Правда, в отличие от строптивого, искавшего свободы Дарну, у которого первой начала двигаться мысль, у благодушного и склонного к блаженному покою Пураны вначале пришли в движение челюсти.

Наконец, мудрецы выходят из храма и обращают свои взоры к тому, что проходит за его пределами. Теперь мир простых пастухов представляется не просто как иная жизнь, в которой поведение ищущего истину человека кажется странным, но и как часть целого, в котором все взаимосвязано и, следовательно, подвержено взаимному влиянию. Другими словами, непосредственная жизнь приобретает значение силы, активизирующей интеллектуальное движение. Дарну открывает истину, ради которой отправился в дальний путь: «...божество признает своими законами все то, что решит наш выбор. Необходимость – не хозяин, а только бездушный счетчик наших движений. Счетчик отмечает лишь то, что было. А то, что еще должно быть, – будет только через нашу волю...» (5, 449) Составляющими оппозиции выступают понятия «необходимость» (с ней связаны «указание», «храм», «божество», «закон», «хозяин», «счетчик» – все то, что «было») и «воля», с которой связываются «выбор» и «движение», то есть жизнь – все то, что «должно быть».

Очень важно, что пространство, в которое попадают покинувшие храм и смотрящие на открывающуюся с его вершины жизнь мудрецы, пронизано светом. Размышляя об особенностях художественной манеры В.Г. Короленко и назвав писателя «страстным солнцепоклонником» (6, 8), Л.С. Козловский обратил внимание на роль в его произведениях константы «свет»: «И веря в солнце, источник жизни, он верил в жизнь, в ее способность распутать самый сложный узел житейских отношений» (6, 5). Таким образом, прослеживается следующая динамика пространственных границ действия: во второй главе мудрецы в надежде, что божество откроет им истину, из большого разомкнутого мира переходят в замкнутое пространство, ограниченное пределами храма. Действие в третьей и четвертой главах сосредоточено в узком мире храма. И хотя к Дарну в храме вскоре присоединяется Пурана, сохраняется мотив одиночества. Оба приятеля отдаются в руки Необходимости и оказываются изолированными друг от друга, хотя и сидящими рядом. В пятой главе большой мир врывается в замкнутое пространство храма. Неосознанно пастушка возвращает Дарну к движению, жизни. Тем самым подготавливается описываемый в шестой главе выход мудрецов за пределы храма в большой мир, наполненный солнечным светом. Но

это уже не те самые Дарну и Пурана, что шли к божеству за готовой истиной. Они открыли ее сами, без помощи божества, она не была дана им в готовом виде. В этом – специфическая для произведений В.Г. Короленко черта. На нее обращает, в частности, внимание И.И. Московкина, когда пишет о Короленко и Гаршине: «Эти писатели ... обнаруживали несостоятельность всех известных доктрин и призывали к поиску истины, которая всегда впереди» (3, 75). Вывод, к которому приходит герой сказки «Необходимость», в чем-то близок оценке предопределения героем романа М.Ю. Лермонтова Печориным. После случая с фаталистом Вуличем, он признается, что предпочитает сомневаться во всем, в том числе и в наличии предопределения, и всегда смелее идет вперед, не зная, что его ожидает. При этом действие судьбы (необходимости) не отрицается, но решающая роль отдается инициативе (свободе) человека. Вывод героя сказки Короленко не противоречит и философии индуизма и буддизма. Мотив «превосходства мудрецов-аскетов над богами, которых они подавляют своим могуществом», традиционен для эпических сказаний, основанных на индуистской мифологии. Возможно, поэтому своей параболе о соотношении свободы и предопределения В.Г. Короленко придал форму «восточной сказки», переносящей читателя в далекую Индию.

Не отрицая наличия Абсолюта вне человека, В.Г. Короленко сосредоточивает внимание на самом человеке, том выборе, от которого зависит происходящее с ним. Необходимость не может существовать отдельно от совершенных нами поступков, сама по себе. Все действия в природе обусловлены ею, но сама по себе необходимость становится ничем в отсутствии действия. Исходя из подобного понимания необходимости, каждый и формирует собственное представление об истине, в соответствии с собственным опытом, так, чтобы не испытывать диссонанса с внутренним «я».

1. Черная Л.А. Русская литература переходного периода от Средневековья к новому времени. – М., 1999.
2. Шляхова Н.М. Форма автора і адресата в естетиці М. Бахтіна // Автор і авторство у словесній творчості: [зб. наукових праць / відповід. ред. Нонна Михайлівна Шляхова, д.ф.н., професор]. – Одеса, 2007.
3. Марковський М.П. Антропологія, гуманізм, інтерпретація // Теорія літератури в Польщі: Антологія текстів. Друга половина ХХ – початок ХХІ ст. / Упоряд. Богуслава Бакулі; за заг. ред. Володимира Моренця; переклад з польської Сергія Яковенка. – К., 2008.
4. Кривцун О.А. Историческая антропология и художественный процесс // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. – М., 2002.
5. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 5 т. – Л., 1989. – Т.2.
6. Козловский Л.С. Владимир Короленко как художник и мыслитель. – М.-Берлин, б.г.